

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

Арктика и Север. 2022. № 46. С. 205–219.

Научная статья

УДК [330.15:303](045)

doi:10.37482/issn2221-2698.2022.46.205

К вопросу о возможности детерминации добычи ископаемой мамонтовой кости как традиционного природопользования *

Васильева Ольга Валерьевна ^{1✉}, кандидат политических наук, старший научный сотрудник

¹Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия

¹ovasileva.igi@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>

Аннотация. Данная статья посвящена решению вопроса о том, можно ли считать добычу мамонтовой кости одним из видов традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера. Решение проблемы рассматривается со стороны трёх критериев — формирования традиции хозяйственной деятельности внутри этнической группы, сбалансированного подхода обеспечивающего неистощительное природопользование, направленности хозяйственной деятельности на использование для собственных нужд. В результате автор приходит к выводу, что добыча мамонтовой кости — это вид деятельности, который нельзя назвать в полной мере соответствующим критериям традиционного природопользования. В то же время в статье автор предлагает рассмотреть шире понятие традиционное природопользование в современном капиталистическом мире, дополнив его взглядом со стороны мир-системного анализа на дихотомию традиционного и капиталистического общества.

Ключевые слова: добыча ископаемой мамонтовой кости, Якутия, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы Севера

Is the Extraction of Fossil Mammoth Bone a Form of Traditional Nature Management?

Olga V. Vasilyeva ^{1✉}, Cand. Sc. (Polit.), Senior Researcher

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North–Siberian Branch RAS, ul. Petrovskogo, 1, Yakutsk, 677007, Russia

¹ovasileva.igi@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>

Abstract. This article is devoted to solving the question of whether it is possible to consider the extraction of mammoth bone as one of the types of traditional nature management of the indigenous peoples of the North. The solution to the problem is considered on the part of three criteria — the formation of a tradition of economic activity within an ethnic group, the focus of economic activity on use for their own needs, a balanced approach ensuring sustainable environmental management. As a result, the author concludes

* © Васильева О.В., 2022

Для цитирования: Васильева О.В. К вопросу о возможности детерминации добычи ископаемой мамонтовой кости как традиционного природопользования // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 205–219. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.205

For citation: Vasilyeva O.V. Is the Extraction of Fossil Mammoth Bone a Form of Traditional Nature Management? *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 46, pp. 205–219. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.205

that the extraction of mammoth bone is a type of activity that cannot be called fully consistent with the criteria for traditional nature management. At the same time, in the article, the author proposes to consider broader the concept of traditional nature management in the modern capitalist world, supplementing it with a view from the world-system analysis of the dichotomy of traditional and capitalist society.

Keywords: *extraction of fossil mammoth bone, Yakutia, traditional nature management, indigenous peoples of the North*

Можно ли рассматривать сбор мамонтовой кости в качестве одного из видов традиционного природопользования? Вопрос неоднозначный и, кроме того, его постановка тянет за собой широкий круг тем для дискуссий. В данной статье мы хотим не только рассмотреть этот аспект жизнедеятельности северных сообществ и прийти к некоему решению, насколько обоснованным является мнение о необходимости отнести сбор мамонтовой кости к одному из традиционных видов природопользования, но и прояснить что есть традиционное природопользование в современном капиталистическом обществе.

Актуальность данной проблематики, несомненно, связана как с прикладными, так и с фундаментальными научными проблемами. С одной стороны её вызывает потребность органов власти в научном обосновании принимаемых управленческих решений в области национальной политики, а также развития Арктики, сказывающихся на жизни населения, и это затрагивает, прежде всего, сферу прикладной этнологии. Более широкие теоретические моменты связаны с необходимостью решения фундаментальных вопросов о перспективах развития традиционных форм природопользования коренных малочисленных народов, оптимальных путях развития человечества и прекращения деградации природной среды, а также о подходах к анализу эволюции социумов. Таким образом, прикладная на первый взгляд тема открывает перед нами широкое поле для размышлений.

Для того чтобы разобраться в вопросе, мы начали с прояснения современных институциональных рамок понятия традиционное природопользование, прежде всего, с выяснения того, какова позиция государства, отражённая в законодательстве России. Итак, федеральный закон от 7 мая 2001 г. N 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» гласит, что традиционное природопользование — это исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации¹.

Как нам кажется, данная формулировка является довольно размытой и делает акцент на том, что традиционное природопользование является этническим — характерно только

¹ О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Федер. закон Рос. Федерации от 7 мая 2001 г. N 49-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 4 апр. 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/12122856/#ixzz6Qp4mv6Bu> (дата обращения: 18.08.2020).

для определённого перечня народов. Стоит отметить, что в противовес этой трактовке имеется представление о традиционном природопользовании, в котором подчёркивается его хозяйственно-территориальная составляющая. Однако в законе, как мы поняли, уже обозначено, что этничность является одним из критериев, на основании которого та или иная деятельность может быть отнесена к традиционной. Далее мы увидим, что такой подход формирует некоторые проблемы с определением перспектив развития коренных малочисленных народов Севера. Кроме того, данная трактовка оставляет возможности для разных интерпретаций при попытках отнести к видам традиционной деятельности и сбор мамонтовой кости.

Этнические определения, как нам кажется, исходят из нескольких теоретических установок. Во-первых, это, конечно же, принцип стадийного развития социумов, а во-вторых, идея гомогенности этнической группы в её культурных проявлениях. Вышесказанное рождает определённые установки и в отношении традиционного природопользования. Так, в научном дискурсе встречается мнение как, например, в работе Климовой Д.С. и Беляевой Л.М. [1], суть которого сводится к тому, что в прошлом были определённые механизмы взаимодействия в системе «человек — природная среда», позволяющие избежать в ней кризисных явлений. При этом происходит отождествление людей из прошлого и современных представителей этнических групп, относящихся к коренным малочисленным народам Севера РФ. Как нам кажется, это происходит в силу традиции определения этих народов как отсталых, находящихся на более ранних стадиях развития социума. В силу этого появляется мнение, что, являясь «отсталыми», коренные народы до сих пор воспроизводят тот механизм взаимодействия «человека и природной среды», который характеризуется бережным отношением к последней. Предполагается, что они являются носителями некоего знания о том, как правильно распорядиться землёй и природой. Развивая эту тему, однако, рано или поздно приходишь к определённому тупику, связанному с тем, что в России коренные малочисленные народы Севера не являются в полной мере выключенными из доминирующего общества. Более того, в Советское время было много сделано для того, чтобы интегрировать их в социальную структуру общества, искоренить признаки так называемой «отсталости» - кочевой образ жизни, традиционный хозяйственный уклад как основу образа жизни, и произвести профессионализацию труда. Об этом, в частности, много написано С.В. Соколовским [2].

Здесь многие продолжают романтизировать образ коренных малочисленных народов Севера, придавая мистический характер экологическим знаниям, которые были выработаны в ходе адаптации человека к природной среде. В то же время закрепляется представление, что без определённых хозяйственных практик нет и самих этих народов. Также наблюдается тенденция рассматривать любые проявления хозяйственной деятельности, исходящие от коренных малочисленных народов, как традиционное природопользование даже в случае, если они носят откровенно коммерческий характер.

Здесь следует упомянуть, что в настоящее время к традиционной хозяйственной деятельности относятся следующие виды деятельности:

- животноводство, в том числе кочевое (оленоводство, коневодство, яководство, овцеводство);
- переработка продукции животноводства, включая сбор, заготовку и выделку шкур, шерсти, волоса, окостенелых рогов, копыт, пантов, костей, эндокринных желез, мяса, субпродуктов;
- собаководство (разведение оленегонных, ездовых и охотничьих собак);
- разведение зверей, переработка и реализация продукции звероводства;
- бортничество, пчеловодство;
- рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация водных биологических ресурсов;
- промысловая охота, переработка и реализация охотничьей продукции;
- земледелие (огородничество), а также разведение и переработка ценных в лекарственном отношении растений;
- заготовка древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд;
- собирательство (заготовка, переработка и реализация пищевых лесных ресурсов, сбор лекарственных растений);
- добыча и переработка общераспространенных полезных ископаемых для собственных нужд;
- художественные промыслы и народные ремёсла (кузнечное и железоделательное ремесло, изготовление утвари, инвентаря, лодок, нарт, иных традиционных средств передвижения, музыкальных инструментов, берестяных изделий, чучел промысловых зверей и птиц, сувениров из меха оленей и промысловых зверей и птиц, иных материалов, плетение из трав и иных растений, вязание сетей, резьба по кости, резьба по дереву, пошив национальной одежды и другие виды промыслов и ремёсел, связанные с обработкой меха, кожи, кости и других материалов);
- строительство национальных традиционных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности ².

Список указанных видов деятельности наводит на идею, которая часто содержится уже в научных работах, посвящённых традиционному природопользованию. Согласно ей, культурно-хозяйственная адаптация человека к природной среде протекает по двум направ-

² Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 года N 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями на 29.12.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902156317> (дата обращения: 13.11.2020).

лениям: человек либо приспосабливается к природным условиям, либо меняет их под себя. Считается, что традиционное природопользование связано в первую очередь с первым направлением. В силу этого оно и оказывается гармонично вплетённым в природные ландшафты.

Таким образом, если не выделять как основу этнический характер хозяйственной деятельности, можно отметить, что при определении традиционного природопользования выделяются как основные критерии: 1) исторический характер формирования практик природопользования внутри самой этнической группы, 2) неистощительный характер эксплуатации природных ресурсов. Более спорным является выделение третьего критерия ориентированности на собственные нужды, а не на рынок. Однако два последних пункта имеют между собой довольно сильную связь, поэтому в данном случае мы считаем важным отметить его.

Далее рассмотрим последовательно, какие критерии традиционного природопользования удовлетворяются в том случае, когда речь заходит о добыче мамонтовой кости.

Сбор мамонтовой кости в настоящее время это один из важных источников дохода на Севере Якутии в целом для населения. Сам этот неформальный бизнес представляет собой сезонные работы, когда мужчины группами по 10–15 человек, без оформления трудовых отношений, в летний период отправляются в тундру для сбора мамонтовой кости.

Согласно законодательству РФ, сбор мамонтовой кости можно вести исключительно в научно-исследовательских, учебных и познавательных целях. Это означает возможность сбора лишь единичных образцов без проведения горных и других видов специальных работ. Ограничение количества сбора образцов ископаемой мамонтовой кости «единичными образцами» привело к тому, что сборщик обращается за 10–20 лицензиями по небольшим 10–20 участкам, на которых не может быть собран заявленный объём. Лицензии оформляются на одни участки, а сырьё добывается на других участках.

Так как коммерческий сбор палеонтологического материала не регламентирован, налоговые выплаты с данного вида деятельности отсутствуют. Хотя ежегодно добывается более 100 т, оцениваемых в 1,5 млрд рублей, не учитывая контрабанду. Кроме того, как было сказано выше, не допускается использование техники. Сборщики же зачастую используют её для добычи бивня вне лицензированных участков. Весьма распространённой является практика размыва почв с помощью мощных водяных насосов. Таким образом, несмотря на то что законодательство регламентировало сбор мамонтовой фауны, его отдельные положения расходятся с имеющейся практикой. Так как сборщики мамонтовой фауны могут распоряжаться останками по своему усмотрению только лишь после того, как государство не выкупит их как представляющие научный и культурный интерес, частыми стали ситуации распила бивней.

В результате в ходе рейдов природоохранных и правоохранительных органов Республики постоянно устанавливаются многочисленные нарушения законодательства. Нарушение законодательства влечёт за собой как административные, так и уголовные наказания. Тем не менее, из года в год растёт число лиц, запрашивающих в органах лицензию на сбор останков мамонтовой фауны.

Отсутствие возможности соблюсти законодательство, а также нерегламентированные трудовые отношения, в которые вступают участники бизнеса (трудовые договоры не оформляются), приводят к тому, что данный вид деятельности развивается как часть неформальной экономики. Основой служит и прежний социальный опыт населения. Бизнес в Арктических посёлках вообще во многом строится на неформальных персонализированных отношениях, где важную роль играет родственная взаимопомощь. Занимаются сбором мамонтовой кости как жители сёл, так и оленеводы. Для оленеводов, которые много кочуют и хорошо ориентируются в тундре, возможность заработать на бивне мамонта также является привлекательной, тогда как сравнительно небольшое количество оленей в собственности у оленеводческой семьи (в среднем 20–70 шт.) сводит к минимуму коммерческое использование этого ресурса [3, Кадук Е.В.].

В настоящее время можно услышать мнение, что сбор мамонтовой кости для продажи также можно отнести к традиционной хозяйственной деятельности. Такое мнение высказывается как некоторыми представителями региональных органов власти, так и в научном сообществе. При этом главным обоснованием этого является длительность ведения данного вида хозяйственной деятельности.

Ряд исследователей в своей публикации помещают этот вид деятельности в глубь веков и утверждают, что коренное население Восточной Сибири задолго до освоения северных земель русскими промышленниками добывало и продавало мамонтовые бивни [4, Потравный И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В.]. Такие выводы исследователи склонны делать исходя из текста А.Ф. Миддендорфа, который на основании мнения Ольферста о том, что виденный в 1246 г. и описанный Плано Карпини трон татарского хана Золотой Орды, сделанный из слоновой кости и украшенный резьбой, золотом и драгоценными камнями, работы русского золотых дел мастера Козьмы, делает предположение о том, что он был из мамонтовой кости [5, Миддендорф А.Ф.].

Можно ли на основании данного тезиса говорить о том, что коренные народы Севера Якутии также были вовлечены в торговлю? Представляется, что нет. На самом деле текст ничего не сообщает о роли коренных малочисленных народов Севера в социальной жизни материала, из которого был сделан трон.

Кроме того, по всей видимости, не следует ставить знака равенства между теми экономическими отношениями, которые действуют в настоящее время и действовали в прошлом. Как убедительно показывают в своих работах этнографы, смысл обменных взаимо-

действий казаков и коренных народов Сибири первоначально для обеих сторон был неоднозначный. Со стороны коренных народов Сибири приношение дара в виде доступных ресурсов, символизировало установление мирных отношений с более сильным противником на условиях равного партнёрства, а не торговые отношения и даже не принятие на себя даннических обязательства [6, Ссорин-Чайков Н.В.].

Как отмечает И. Валлерстайн, мы не попадаем в ловушку отождествления любой деятельности по обмену с существованием системы торговых отношений, если будем учитывать, что составные части капиталистической мир-системы (будь то минисистема или мир-система) могут быть связаны ограниченными обменами с элементами, расположенными вне системы, во «внешней зоне» системы. В то же время формы такого обмена очень ограничены и прежде всего это обмен «предметами роскоши» (или «безделушками»). В этом случае каждая из сторон может экспортировать другим то, что в её системе социально оценивается как не имеющее большой цены, импортируя в обмен нечто, полагаемое весьма ценным [7, Валлерстайн И.]. В случае, если обмен принимает характер даннических отношений, как случилось в отношении коренных народов Якутии в довольно скором времени после освоения пространства Сибири и Севера казаками, можно говорить о вовлечении в мироэкономику в качестве периферийной, сырьевой зоны.

В связи с этим более умеренная трактовка длительности традиции ведения хозяйственной деятельности по добыче мамонтовой кости, которая имеется в «Концепции развития сбора, изучения, использования, переработки и реализации палеонтологических материалов мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия)», утверждённой 13 августа 2018 года №649-РГ, выглядит более адекватной. В ней указывается, что «эти ресурсы (мамонтовая кость) в течение 300 лет являются объектом традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Якутии, которые в процессе исторической хозяйственной деятельности собирали бивни для поставки их купцам и промышленникам»³.

Действительно, в Якутии активная добыча мамонтового бивня связывается с событиями второй половины XVIII в. Однако, как указывает Г.П. Башарин, первоначально промыслами мамонтовой кости занимались в основном усть-янские и нижеиндигирские русские и якутские промышленники на берегах Северного Ледовитого океана, особенно же на Ляховских и Новосибирских островах [8]. Государство поощряло промысловиков и торговцев к добыче мамонтовой кости и торговле, которая не являлась предметом подушной подати. В то же время государство вело запретительную политику в отношении торговли пушниной с ясачным населением.

³ Распоряжение Главы Республики Саха (Якутия) от 13 августа 2018 года № 649-РГ «Концепция развития сбора, изучения, использования, переработки, и реализации палеонтологических материалов мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/550166534> (дата обращения: 13.11.2020).

Однако по мере снижения значения доли ясака в пополнении казны государственная политика в сфере торговли меняется от запретительной к свободной, что провоцирует проникновение торгового капитала в местную экономику, в торговлю мамонтовой костью втягивается и «иностранное» население. Большинство из них занимались попутным сбором мамонтовой кости в приморской части тундры. Упоминания об этом мы находим в трудах В.М. Зензинова [9] А.Ф. Миддендорфа [5]. Дело в том, что в условиях менового характера торговли, приказчики торговых домов, осуществляющие торговую деятельность в Северных районах, продавали товары местному населению почти исключительно за пушнину и кость [10, Гоголев, с. 259], что вынуждало коренное население к сбору мамонтовой кости.

Таким образом, какой-то промежуток времени коренные малочисленные народы действительно занимались сбором мамонтовой кости, однако это является скорее фактом принуждения населения к определённым видам деятельности. Так как, столкнувшись с мир-системой, коренные народы были вовлечены в глобальную систему разделения труда, в которой их специализацией стал пушной промысел и добыча мамонтовой кости. Данничество выступало здесь в качестве формы контроля над трудом.

Таким образом, становление глобального рынка пушнины оказало существенное влияние на втягивание коренных народов в капиталистическую мир-систему. При этом тут государство выступало как капиталист на внешних рынках и как эксплуататор и сборщик дани внутри своих границ. Используя нерыночные способы эксплуатации, государство получало сверхприбыль, и в лучшие годы доходы от меха заполняли до трети казны российского государства. Мамонтовая кость была одним из трёх товаров, который наряду с пушниной экспортировался из данного региона. Втягиваясь в капиталистическую мир-систему на правах эксплуатируемой периферии, коренные народы уже тогда меняли свои практики социальных взаимодействий и практики природопользования. Так, З.В. Гоголев указывает на то, что меновая торговля пушниной и мамонтовой костью оказала значительное влияние на трансформацию социальных отношений на Севере. Вместо коллективной охоты появилась индивидуальная охота и добыча мамонтовой кости, теряли силу старые родовые обычаи, традиционное родовое хозяйственное единство [10, с. 121]. Таким образом, уже тогда добыча мамонтовой кости не просто сосуществовала с традиционной хозяйственной деятельностью, но скорее трансформировала её. Отсюда следует, что нельзя говорить о том, что сбор мамонтовой кости являлся традицией, зародившейся внутри какой-то этнической группы. Это был скорее промысел, навязанный внешними обстоятельствами всему населению северо-востока России.

Таким образом, если рассматривать как критерий отнесения сбора мамонтовой кости к традиционному природопользованию многовековое, историческое зарождение традиций хозяйственной деятельности внутри этнической группы, то добыча мамонтового бивня к ней не относится.

Второй критерий — традиционное природопользование тонко сбалансировано с тем ресурсом, которым пользуется, и не приводит к его уничтожению или уменьшению⁴. Считается, что традиции природопользования различных коренных этносов объединяются общим свойством — бережным отношением к природе [1, Климова Д.С., Беляева Л.Н., с. 138].

Если же мы говорим о неистощительном использовании объектов природной среды, то, как нам кажется, близко к правильной оценке взаимоотношений человека с природной средой в традиционном обществе был Дж. Скотт. Он изучал мотивы поведения крестьянина и пришел к выводу, что в основе большинства конкретных проявлений аграрной организации, а также непосредственных проявлений механизма взаимодействия «человека и природной среды» лежит принцип «главное — выжить» («safety — first») [11, Никулин А.М.]. Считаем, что эти принципы применимы и к традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера, находящейся в большой зависимости от экстремальных климатических условий, ценность коллективных действий в которых возрастает кардинально. А зависимость жизни человека от животного мира формирует сакральное к нему отношение.

К. Поланьи также приводит исторические и антропологические доказательства этой практики почти универсального характера в традиционном обществе, что и служит основным отличием его от современной рыночной экономики. «Отсутствие угрозы индивидуального голода, — заключает он, — в определённом смысле делает примитивное общество более гуманным по сравнению с рыночной экономикой, но в то же время экономически менее эффективным». Оно же и определяет бережное отношение к природной среде [12, Нуреев Р.М.].

В капиталистическом обществе всё обстоит несколько иначе. Особенностью его является наличие центра и периферии. Люди пространства периферии оказываются в тяжких условиях необходимости производства тех товаров, которые востребованы мир-системой, при этом изготовление или добыча товара на продажу в рыночной экономике определяется мотивом выгоды, получением дохода от этой деятельности. Связь человека с изготавливаемым им товаром не регулируется больше мифом, как в традиционном обществе, место мифа постепенно начинает занимать культура потребления, соответственно, меняется отношение и к биосфере.

В современной России тяжёлые экономические условия, высокий уровень безработицы, а также действие законов капитализма меняют отношения населения к биосфере. Повсеместное распространение получила практика размыва почв с помощью мотопомп. Несмотря на законодательный запрет, добытчики намеренно разрушают едомные грунты с помощью мощных водяных насосов. При этом возможны обвалы, экологическое загрязне-

⁴ Горяшко А. Традиционное природопользование: мифы и реальность (на примере гаги обыкновенной). URL: <https://goarctic.ru/society/traditsionnoe-prirodopolzovanie-mify-i-realnost-na-primere-gagi-obyknovennoy/> (дата обращения: 20.03.2021).

ние водоёмов грязью, горючим, разрушение плодородного слоя почвы. Постоянный шум мотора отпугивает рыбу, птиц и млекопитающих [13, Керемясов Н.В., с. 15]. Безусловно, не все добытчики мамонтовой кости занимаются промыслом с использованием запрещённой техники, однако идущий вразрез с действительностью запрет на коммерческий сбор палеонтологических материалов, а также зачастую невозможность соблюсти законодательство, а также нерегламентированные трудовые отношения, в которые вступают участники бизнеса (трудовые договоры не оформляются) приводят к тому, что данный вид деятельности развивается как часть неформальной экономики.

Стоит отметить, что формирование таких практик природопользования, не связанных с бережным отношением к природе, - закономерность столкновения с развитием капиталистической мир-системы, в которой природа лишь источник экономической выгоды.

Рассмотрим это утверждение на следующих примерах. Как известно, мотивом стремительного броска через Сибирь, когда за полвека были пройдены 4 тыс. км от Урала до Тихого океана (Охотск на его берегу основан в 1647 г., на 56 лет раньше Санкт-Петербурга), было именно участие России в становлении глобального рынка пушнины [14, Савченко А.Б., Трейвиш А.И.]. И ясак — дань, которой облагалось местное население, должен был выплачиваться шкурками соболя. С этих пор соболиный промысел прочно вошёл в хозяйственную деятельность коренного населения Сибири. Систематический перепромысел соболя под гнётом необходимости выплаты дани привёл к формированию мозаичного ареала, а местами к почти полному истреблению этого вида. Русской казне соболь давал до трети её доходов, пока систематическое истребление не сократило его промысел на порядок. В XVIII в. пушной экспорт России поддерживала добыча морского зверя, песца, белки [14, Савченко А.Б., Трейвиш А.И.]. Таким образом, глобальный рынок мехов уже в XVI–XVII вв. приводил к таким экологическим катастрофам.

Более современным последствием включения коренных народов в капиталистические отношения в среде коренных народов Севера являются новые тенденции в оленеводстве на Ямале, где в погоне за выгодой от продажи пантов наращивается численность оленей, превышая оленеёмкость пастбищ, что приводит к истощению скудных арктических ландшафтов, которые просто не успевают восстановиться.

Там же, где оленеводство не приносит никакой коммерческой выгоды, тенденции в развитии коренных малочисленных народов Севера уже достаточно длительное время характеризуются отсутствием у молодёжи интереса к данной хозяйственной деятельности. Так, О.Н. Гурова видит причины этого явления в том, что трудовая культура предков, этнические нормы хозяйственного поведения были утрачены. Дети и внуки оленеводов, охотников и рыболовов частью совершенно отошли от традиционных занятий и поражены синдромом равнодушия, презрения к утомительному, трудоёмкому, экономически невыгодному занятию предков. И в то же время они отчаянно стремятся сохраниться в качестве вольных детей

тундры и тайги, живущих за счёт даров родной земли [15, Гурова О.Н.]. Безусловно, возможно, все эти радикальные преобразования в трудовой культуре и этнических нормах хозяйственного поведения связаны с вышеуказанными обстоятельствами и потерей промысловых навыков, однако немаловажным следует назвать и всё большее вовлечение людей в капиталистическую систему. Именно она трансформировала традиционное общество, в котором жизнь людей была обращена в прошлое, и уходила своими истоками в дни творения, когда мир воспринимался как созданный одноактно и существовавший без каких-либо изменений от своего начала. Капитализм преобразовал отношение человека к жизни. Человек перестал быть обращённым к своему прошлому, однажды уже сотворённому, он начинает жить своим неопределённым будущим, которое ему приходится творить самостоятельно и совместно с сотворчеством людей, объединённых общим жизненным планом национального государства [16, Федотова В.Г., Колпаков Н.А., Федотова Н.Н., с. 150]. Таким образом, у перехода от традиционного к капиталистическому обществу есть и социокультурные последствия.

В традиционном обществе природопользование регулируется мифом — в капиталистическом место мифа постепенно начинает занимать культура потребления. В традиционном обществе товары (мясо оленя, шкуры, дикоросы, панты) — это скорее часть природы, заимствованная из её кругооборота, чтобы снова вернуться в неё, но уже в другой форме. Ведь окружение человека, живущего мифом, всегда живое, оно наполнено мифическими смыслами. Так, поедая растения или животных, человек получал их силу, и при этом он должен был следовать сложным ритуалам, чтобы не нарушить природные циклы, породившие его пищу. Напротив, при капитализме изготовленные природой вещи становятся товаром, поскольку они произведены в рамках сельского хозяйства, организованного по типу коммерческого предприятия. Человеком утрачивается связь между тем, что он потребляет, и местом, где все эти продукты производятся [16, Федотова В.Г., Колпаков Н.А., Федотова Н.Н., с. 150]. Таким образом, капиталистическое развитие, направленное на извлечение максимальной выгоды, расширение капитала, не может быть неистощительным *a priori*.

Наконец, третье условие причисления той или иной деятельности к традиционному природопользованию говорит о том, что подавляющая часть добычи должна быть использована для собственных нужд. Как указывает Р. Суляндзига, «Закон о животном мире позволяет традиционным народам осуществлять свою традиционную деятельность без всякого ограничения для того, чтобы содержать свою семью — не для коммерческих целей»⁵. Однако совершенно ясно, что мамонтовая кость — ресурс, добываемый вовсе не для собственных нужд, а исключительно с целью продажи. Бизнес имеет ярко выраженный экспортный

⁵ Тепляков С. Русским нельзя, вепсам можно, эвенкам не дают: как работают льготы для малочисленных коренных народов. URL: <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/kak-rabotayut-lygoty-dlya-korennykh-narodov/> (дата обращения: 22.12.2020).

характер. Ресурс востребован в сегменте элитарной экономики. 80% найденных в Якутии материалов уходят за рубеж — главным образом в Китай, Гонконг, США.

В случае, если мы говорим о населении Дальнего Востока, то постепенно происходит его ориентация на те ресурсы, которые востребованы мировым рынком. Это в том числе такие виды деятельности, которые пересекаются с традиционными видами хозяйственной деятельности — сбор дикоросов. Эта деятельность не носит этнический характер. На Дальнем Востоке сбором ягод занимается преимущественно неорганизованное население. Сезонные работы в этой области стали для населения возможностью для пополнения доходов домохозяйств. Этнические границы в данном случае не дают людям возможности понять, что более важной оказывается общность их социального положения.

Таким образом, можно говорить о том, что сбор мамонтовой кости лишь частично соответствует критериям отнесения хозяйственной деятельности к традиционному природопользованию. Понятно, что сторонники мнения о том, что сбор мамонтовой кости является одним из видов традиционного природопользования, исходят из благих намерений, связанных с тем, что в постсоветской России государство всё более сокращает свои социальные функции и практически «уходит» с Севера и из села. Центробежные силы в миграционных процессах приводят к тому, что всё больше людей устремляется в города. Ликвидируются рабочие места, что ставит перед местным населением вопрос о поиске новых источников жизнеобеспечения. Сочетание этого обстоятельства с распространением промышленных предприятий на Север и Арктику, угрожающим выводом части угодий из традиционного хозяйственного оборота, и формирует охранительную позицию ряда этнологов. Предполагается, что если сбор мамонтовой кости войдёт в перечень традиционных видов деятельности, то в случае промышленного освоения территорий коренные малочисленные народы через институт этнологической экспертизы смогут получить компенсации в большем размере. Возможно, это действительно бы повысило размер выплат в каких-то частных случаях. Однако неизвестно, каким ещё образом сказалось бы его внесение в перечень традиционной хозяйственной деятельности на традиционном образе жизни.

Если же говорить о прикладных моментах, следует также обратить внимание на ещё одно важное обстоятельство. В настоящее время сбор мамонтовой кости не облагается налогом, так как запрещен её коммерческий сбор, что идёт полностью вразрез с реалиями добычи данного ресурса. Однако в случае легализации данного вида деятельности ситуация изменится. В этом случае коренные малочисленные народы Севера могут быть использованы в качестве некоего прикрытия для того, чтобы люди могли избежать налоговой ответственности. Как уже было отмечено выше, в соответствии с действующей редакцией статьи 217 главы 23 Налогового кодекса РФ, к доходам, не подлежащим налогообложению налогом на доходы физических лиц, относятся только доходы (за исключением оплаты труда наёмных работников), получаемые членами зарегистрированных в установленном порядке родо-

вых, семейных общин малочисленных народов Севера, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования, от реализации продукции, полученной в результате ведения ими традиционных видов промысла⁶. Отнесение добычи мамонтовой кости к видам традиционной деятельности приведёт к тому, что добыча бивня не будет облагаться налогом. Следовательно, может привести к злоупотреблениям в отношении регистрации общин коренных малочисленных народов Севера. Последнее может спровоцировать новую волну смены идентичностей. Ведь именно групповые права делают более жёсткими межгрупповые границы, заставляя людей со множественной идентичностью сделать выбор в пользу одной из них при взаимодействии с государством. Неслучайно по данным последних российских переписей населения численность некоторых групп коренных малочисленных народов Севера выросла настолько, что здесь уже нельзя было говорить о естественном или миграционном приросте. Так проявила себя смена идентичности под влиянием нового законодательства.

Другим, более глубоким в теоретическом плане, вопросом является то, как стоит исследовать социальную эволюцию различных социумов. Мы считаем, что ни в коем случае нельзя отождествлять традиционное общество некапиталистического прошлого и современные общества коренных малочисленных народов Севера. Современные представители коренных народов достаточно хорошо интегрированы в российское общество в культурном и социальном плане и сейчас идти по пути подчеркивания их культурной отличительности, придавая черты биологической предопределённости отдельным видам деятельности, неверно. Традиционное общество не может быть воспроизведено в настоящее время, когда со всех сторон эти люди окружены доминирующим капиталистическим обществом и зависимы от него. Именно в этом видятся проблемы развития коренных малочисленных народов, молодёжь которых не желает продолжать хозяйственные традиции предков.

По всей видимости, в этих условиях главным объектом охраны должен быть образ жизни людей, вовлечённых в данные хозяйственные практики; при этом все остальные их права и специфика (язык, религия, культура) защищены законодательством о меньшинствах и нормами общегражданского права.

На основании вышесказанного хотелось бы отметить, что добыча мамонтовой кости — это вид деятельности, который нельзя назвать в полной мере соответствующим критериям традиционного природопользования. Кроме того, неизвестны последствия принятия решения расценивать сбор мамонтового бивня как один из видов традиционного природопользования как в сфере организации данного бизнеса, так и в отношении трансформации идентичностей и образа жизни коренного населения Севера Якутии. Однако с учётом пробелов в законодательстве, а также высокого уровня коррумпированности данной отрасли, следует прогнозировать усиление злоупотреблений в сфере регистрации общин коренных ма-

⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (дата обращения: 15.11.2020).

лочисленных народов Севера. Однако сама постановка вопроса о том, является ли сбор мамонтовой кости одним из видов традиционного природопользования ставит перед нами более важные и широкие вопросы о том, что такое традиционное природопользование в современном капиталистическом мире.

Список источников

1. Климова Д.С., Беляева Л.Н. Этническое и традиционное природопользование в эпоху глобализации // Проблемы региональной экологии. 2010. № 1. С. 137–143.
2. Соколовский С.В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика: Дебаты в России и во Франции / Под ред. Е.И. Филиппова. Москва: ИЭА РАН, 2008. С. 49–70.
3. Кадук Е.В. Рыночный обмен и практики дележа в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 111–127.
4. Потравный И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В. Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 109–121.
5. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Ч. 1. Вып. 2. Отд. 2. Орография и геогнозия. Санкт-Петербург: Типография академии наук, 1861. 352 с.
6. Ссорин-Чайков Н.В. Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81.
7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. Санкт-Петербург: Издательство «Университетская книга», 2001. 416 с.
8. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. Т. II. Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII — первой трети XIX в. Москва, 2003. 519 с.
9. Зензинов В.М. В гостях у юкагиров // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 106–126.
10. Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917 — июнь 1941 г.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1972. 258 с.
11. Никулин А.М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1 (4). С. 130–140.
12. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Р.М. Нуреева. Москва: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.
13. Керемясов Н.В. Методы и технологии поиска ископаемой мамонтовой кости // Вестник СВФУ. Серия «Науки о Земле». 2018. № 2 (10). С. 5–18.
14. Савченко А.Б., Тревиш А.И. Историко-географические особенности освоения северных и арктических территорий России в XVII–XIX веках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 3. С. 90–102.
15. Гурова О.Н. Возрождение традиционного природопользования эвенков с учётом психосоциальных процессов // Вестник КрасГАУ. 2008. № 4. С. 302–306.
16. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Москва: Культурная революция, 2008. 608 с.

References

1. Klimov D.S., Belyaeva L.N. Etnicheskoe i traditsionnoe prirodopol'zovanie v epokhu globalizatsii [Ethnic and Traditional Nature of Globalization]. *Problemy regional'noy ekologii* [Regional Environmental Issues], 2010, no. 1, pp. 137–143.
2. Sokolovskiy S.V. Korennye narody: mezhdru integratsiyey i sokhraneniem kul'tur [Indigenous Peoples: Between Integration and Cultural Preservation]. *Etnicheskie kategorii i statistika: Debaty v*

- Rossii i vo Frantsii* [Ethnic Categories and Statistics: Debates in Russia and France]. Moscow, IEA RAN Publ., 2008, pp. 49–70. (In Russ.)
3. Kaduk E.V. Rynochnyy obmen i praktiki delezha v Anabarskom rayone Respubliki Sakha (Yakutiya) [Market Exchange and Division Practices in the Anabar Region of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2017, no. 6, pp. 111–127.
 4. Potravnyy I.M., Protopopov A.V., Gassiy V.V. Dobycha bivney mamonta kak vid traditsionnogo prirodopol'zovaniya [Mammoth Tusks Getting as a Type of Traditional Nature Management]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2020, no. 1(37), pp. 109–121.
 5. Middendorf A.F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Ch. 1. Vyp. 2. Otd. 2. Orografiya i geognoziya* [Journey to the North and East of Siberia. The North and East of Siberia in Natural-Historical Terms. Vol. 1. Iss. 2. Part 2. Orography and Geognosy]. Saint Petersburg, Printing House of the Academy of Sciences, 1861, 352 p. (In Russ.)
 6. Ssorin-Chaikov N.V. Medvezh'ya shkura i makarony: o sotsial'noy zhizni veshchey v sibirskom sovkhoze i performativnosti razlichiy dara i tovara [Bear Skins and Macaroni: On Social Life of Things in a Siberian State Collective, and on the Performativity of Gift and Commodity Distinctions]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 2012, vol. 13, no. 2, pp. 59–81.
 7. Wallerstein I. *The Modern World-Systems Analysis*. New York, London, Academic Press., 1974–1980.
 8. Basharin G.P. *Istoriya agrarnykh otnosheniy v Yakutii: v 2 t. T. II. Agrarnyy krizis i agrarnoe dvizhenie v kontse XVIII — pervoy treti XIX v.* [History of Agrarian Relations in Yakutia: in 2 vol. Vol. II. The Agrarian Crisis and the Agrarian Movement at the End of the 18th — the First Third of the 19th Centuries]. Moscow, 2003, 519 p. (In Russ.)
 9. Zenzinov V.M. V gostyakh u yukagirov [Visiting the Yukagirs]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1914, no. 1–2. pp. 106–126.
 10. Gogolev Z.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Yakutii (1917 – iyun' 1941 g.)* [Socio-Economic Development of Yakutia (1917 – June 1941)]. Novosibirsk, Science. Sib. Branch Publ., 1972, 258 p. (In Russ.)
 11. Nikulin A.M. Vlast', podchinenie i soprotivlenie v kontseptsii "moral'noy ekonomiki" Dzheymisa Skotta [Power, Subordination and Opposition in James Scott's "Ethical Economy" Concept]. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2003, no. 1 (4), pp. 130–140.
 12. Nureev R.M. "Velikaya transformatsiya" Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee ["The Great Transformation" by Carl Polanyi: Past, Present, Future]. Moscow, GU-HSE Publ., 2007, 321 p. (In Russ.)
 13. Keremyasov N.V. Metody i tekhnologii poiska iskopaemoy mamontovoy kosti [Methods and Technologies of Fossil Mammoth Bone Search]. *Vestnik SVFU. Ser.: Nauki o Zemle* [Vestnik of North-Eastern Federal University. Earth Sciences], 2018, no. 2 (10), pp. 5–18.
 14. Savchenko A.B., Treyvish A.I. Istoriko-geograficheskie osobennosti osvoeniya severnykh i arkticheskikh territoriy Rossii v XVII–XIX vekakh [Historical and Geographical Features of the Development of the Northern and Arctic Areas of Russia in 17–19th Centuries]. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*, 2017, no. 3, pp. 90–102.
 15. Gurova O.N. Vozrozhdenie traditsionnogo prirodopol'zovaniya evenkov s uchetom psikhosotsial'nykh protsessov [The Revival of the Traditional Nature Management of the Evenks, Taking into Account Psychosocial Processes]. *Vestnik KrasGAU* [The Bulletin of KrasGAU], 2008, no. 4, pp. 302–306.
 16. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyy kapitalizm: tri velikie transformatsii [Global Capitalism: Three Great Transformations]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2008, 608 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; принята к публикации 05.08.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.